УДК 94(470)

DOI: 10.21779/2542-0313-2025-40-3-23–30

К. А. Абдулаев

«Добрым порядком разобрать и вас всех примирить»: новые реалии российской политики на Северном Кавказе в 30–50-е годы XVIII в.

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; garunovanina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика изменений в российской пограничной политике на Северном Кавказе после правления Петра I. Показаны внутренние и внешние факторы, которые влияли на принимаемые Петербургом решения по выстраиванию диалога с народами региона. Анализируются причины интереса северокавказских обществ к сближению с империей, а также причины враждебности к ней части местных правителей. Показана заинтересованность России в консолидации тех горских лидеров, которые, являясь ее подданными, должны были выступать против общих неприятелей, но из-за конкуренции устраивали междоусобную борьбу. Выясняются причины увеличения военного присутствия империи на Северном Кавказе.

Исследование базируется на трудах дореволюционных, советских и современных авторов. Привлекаются как выявленные в центральных и региональных архивах материалы, так и уже опубликованные в тематических сборниках.

Ключевые слова: Российская империя, политика, Северный Кавказ, горцы, Дагестан, Кабарда, крепость, переселение, война.

Введение

Замысел Петра Великого создать трансконтинентальный маршрут, связывавший рынки Востока и Запада, стал реализовываться после победы России в Северной войне. Предполагалось усилить политическое влияние верных представителей местной элиты и с их помощью добиться контроля над Северо-Восточным Кавказом. Однако далеко не все влиятельные региональные политические акторы хотели установления гегемонии Российской империи на этих землях. Они уже давно и успешно играли на противоречиях крупных держав, борющихся за доминирование в крае. Победа одной из сторон разрушила бы такой баланс, а соперничество между представителями различных феодальных группировок, даже внутри пророссийского лагеря, не давало возможности достичь желанной стабилизации ситуации [9, с. 1102].

Османская империя и Крымское ханство в рассматриваемый период оставались одними из главных соперников России в борьбе за доминирование на Кавказе. Стамбул упорно и последовательно добивался возможности создать прямой коридор в Среднюю Азию, для чего ему необходимо было закрепиться в Прикаспии. Периодически сотрясавшие Персию династические кризисы, которые существенно ослабляли ее военно-политический потенциал, казалось, давали шанс на исполнение задуманного. Однако Российская империя, которая имела существенный вес в глазах местных народов, не позволяла воплотить в жизнь этот план. Если на Северо-Западном Кавказе позиции Турции и ее вассала были достаточно прочны, то закрепиться на Центральном и Северо-Восточном Кавказе им не удавалось. Всё это предопределило упорную борьбу меж-

ду претендентами на доминирование в крае, что оказывало существенное влияние на жизнь населения. Различные аспекты данных процессов нашли отражение в трудах исследователей-кавказоведов. В частности, особое внимание уделяется военно-политическим и дипломатическим особенностям ситуации [2; 7; 12 и др.]. Большое значение имеют обобщающие исследования по истории отдельных частей Северного Кавказа и народов, их населявших. В них присутствует комплексное рассмотрение проблемы, что позволяет понять причины и мотивацию участников исторического взаимодействия [6; 9; 10 и др.]. По имеющимся наработкам можно получить развернутую картину исторической ситуации на Северном Кавказе в обозначенный период и предложить авторское понимание сути российской политики на южном фронтире.

Особенность российской политики на Северном Кавказе в связи с изменившимися внешнеполитическими обстоятельствами

К началу 30-х гг. XVIII в. стало понятно, что расчеты Петра Великого на обустройство трансконтинентального торгового маршрута были ошибочными. Изменилась и ситуация в Иране, где постепенно ликвидировались последствия временной дезорганизации власти и укреплялось желание вернуть под свой контроль уступленные земли. Российское правительство сочло это приемлемой ценой за мир с персами, которые отвлекали на себя османскую угрозу. В результате заключенных договоренностей (первоначально в Реште в 1732 г., а потом в Гяндже в 1735 г.) Россия возвращала полученные при Петре I территории и вместо крепости Святого Креста возводила новый форпост Кизляр на Тереке [10, с. 22]. Он в значительной степени впитал уже имеющийся опыт создания в пограничье центра не только военно-политического, но и экономического, социокультурного воздействия империи на народы северокавказского «лимеса». Кизлярскому начальству предстояло стать для местных жителей олицетворением российской власти, «голосом Петербурга». Для этого первый комендант Кизляра полковник Красногородцев получил от В. Я. Левашова – «верховного правителя Поморских провинций» – соответствующее наставление [3, с. 62–64].

Обращает на себя внимание принцип, который должен был лечь в основу взаимоотношений кизлярского коменданта с горцами. Он не должен был их «отягощать», но при этом готов оказывать помощь и защиту. И это не должно было выглядеть как попытка угодить, так как любое «раболепие» ударяло по авторитету российской администрации в глазах народов Кавказа. Он и так был существенно поколеблен в результате сделанных уступок Персии. На Кавказе весьма чутко реагировали на любую слабость, и то, что Россия не всегда могла отстоять интересы доверившихся ей людей, вызывало разочарование и желание сменить покровителя. Некоторые из тех, кто должен был вернуться под власть шаха, предпочли искать спасение в горах. Это свидетельствует о том, что власть как России, так и Ирана над находившимися там обществами была формальной. О них могли говорить как о подданных, но прекрасно понимали, что реальной власти над этими народами нет [1, с. 69].

Сюда должны были отправляться на жительство аманаты, которые были залогом выполнения северокавказскими владетелями и сообществами своих обязательств перед российским престолом. Ранее те из них, кто проживал в крепости Святой Крест, были отпущены к родным. По их этнической принадлежности можно судить о том, кого империя старалась приучить к мысли о подданстве, от кого стремилась добиться лояльно-

сти и послушания. Речь шла о кабардинцах, чеченцах, дагестанцах (преимущественно кумыках)[1].

Между тем российско-османские противоречия достигли такого градуса неприязни, при котором невозможно было закончить дело миром. В значительной степени этому способствовала ситуация в пограничье, где существовали силы, которые плохо контролировались Стамбулом и Петербургом, но одновременно считались их вассалами и за действия которых приходилось нести ответственность их высоким покровителям. Они непрестанно устраивали нападения друг на друга, захватывали добычу и пленников, стремились увести на свою сторону подвластные общества. Безусловно, это была не единственная причина, вызвавшая войну 1735–1739 гг. Ее истоки следует искать в клубке европейских противоречий между Польшей, Францией, Швецией и Австрией. Но и крымско-кавказское направление нельзя считать периферией разворачивавшегося масштабного передела сфер влияния.

Воспользовавшись тем, что крымский хан увел свою армию в Дагестан, силы российской армии под командованием М. И. Леонтьева осенью 1735 г. попытались прорваться в его владения, но потерпели неудачу. Причиной стало не столько противодействие неприятеля, сколько логистические просчеты, оставившие людей М. И. Левашова без должного снабжения необходимыми припасами. Такого рода проблемы и в дальнейшем преследовали российские войска, которые больше людей потеряли от болезней, чем от вражеского оружия.

Не могли похвастаться серьезными успехами и крымские силы. Попытка заставить примкнуть к армии хана кабардинских князей в целом оказалась безрезультатной. Они лишь затягивали переговоры и не собирались проливать кровь за интересы Бахчисарая. Но если татары так и не дождались поддержки, то армия фельдмаршала П. П. Ласси пополнилась людьми Мисоста Кургокина и Кильчука, которые участвовали в успешной осаде Азова летом 1736 г.

Решительные действия на Кубани Дондука-Омбо, который совместно с казаками и отрядами из числа северокавказских народов сковал существенные крымско-турецкие силы, то и дело фигурировали в рапортах и отчетах российского командования [12, с. 24]. Причиной такой активности была заинтересованность хана в закреплении его статуса среди калмыков, чего можно было добиться при поддержке и с благоволения Петербурга. Воинская слава, добытая на Кубани, не только усиливала авторитет Дондука-Омбо среди сородичей, но и становилась аргументом в диалоге с российским правительством.

Среди целей калмыцкого предводителя было получение ногайских кочевий на Северо-Западном Кавказе. Те, кто не смог укрыться от сил Дондука-Омбо, вынуждены были покинуть земли, контролируемые Крымским ханством, и переселиться на российскую территорию. Любое сопротивление безжалостно подавлялось, хотя обе стороны и не отказывались от мирных договоренностей между собой.

В военных операциях на Кубани действовали самые разные силы – кочевники, горцы, казаки [7, с. 7–8]. Их скоординированные действия во многом основывались на осознании сопричастности к российской державности. Отсюда и готовность действовать в русле общего замысла командования, который Дондук-Омбо постарался реализовать со свойственным ему воинственным пылом. Он принес на Кубань ужасы войны, активно применяя принятую в пограничье тактику «выжженной земли». Об этом сви-

[1] Архив внешней политики Российской империи (Далее АВПРИ). Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1735 г. Д. 12. Л. 293 об.

детельствуют уничтожение невоюющего населения и повальные грабежи. После очередного похода «Дондук-Омбо возвращался назад и оставил позади себя более 30 тысяч трупов, которые валялись по полям, потому что убирать их было некому; до 15 тысяч татар и горцев потоплены в Кубани, 10 тысяч жен и детей взяты в плен, а лошадей, рогатого скота и овец отбито десятки тысяч голов», – писал дореволюционный историк В. А. Потто со ссылкой на одного из очевидцев [9, с. 198–199].

В результате предпринятых действий многие ногайские общества предпочли принять подданство Российской империи и переселились на Терек, Куму и Малку. Они выдали аманатов из знатных родов, подтверждая серьезность взятых на себя обязательств [7, с. 20–21]. Досталось не только кочевникам. Объединенные силы под командованием Дондука-Омбо двинулись в горы «для чинения новых поисков над …кубанцами и прочими турецкими подданными, живущими в горах темирьговцами и бестенейцами» [7, с. 21]. Вынуждены были бросить свои поселения и скрываться в укромных местах казаки-некрасовцы. Это нанесло существенный вред экономическому потенциалу Бахчисарая, лишившегося своих данников. Об оценке заслуг участников походов на Кубань лучше всего свидетельствуют выделенные правительством в награду деньги – около 80 тыс. рублей. И это был не единичный случай. В следующий раз сумма приблизилась к 100 тыс. рублей – поощрение должно были демонстрировать милость империи к своим подданным за проявленную верность.

Пока одни пророссийские горцы воевали с крымско-татарскими и турецкими отрядами, другие обеспечивали защиту коммуникаций и поддерживали порядок на границе, давая возможность командованию не отвлекать на эти цели столь нужные в Крыму и на Кубани ресурсы [9, с. 202].

Боевые действия то затухали, то активизировались, и летом 1737 г. противникам пришлось сесть за стол переговоров в Немирове, чтобы попытаться завершить изнурительную и слишком затратную войну. Однако ни одна из сторон не желала уступать, считая запросы неприятеля чрезмерными. Так, турки наотрез отказывались передавать русским Темрюк и Тамань и проводить границу по Кубани. Это привело бы к усилению влияния Российской империи на народы Северного Кавказа, что в Стамбуле сочли недопустимым. Война продолжилась.

Существенным фактором, с которым пришлось считаться всем участникам борьбы, стали эпидемии. Чума заставляла отказываться от выполнения поставленных задач и избегать тех территорий, на которых были зафиксированы заболевшие. На Северном Кавказе чума распространилась в Кабарде, которая к тому же оказалась под угрозой нападений кубанских ногайцев, собиравшихся посчитаться за прежние неудачи. Для нейтрализации угрозы вновь были задействованы силы калмыков и кабардинцев. Они совершили удачное нападение на земли Северо-Западного Кавказа, вынудив в итоге ногайских мурз выдать аманатов. Заодно вернули бывших кабардинских данников из числа абазин [8, с. 96–97]. И в дальнейшем такие нападения повторялись, приводя к запустению прикубанские земли[2]. Возвращение зависимого населения являлось одним из побудительных стимулов для участия кабардинских князей в боевых действиях на стороне России.

Несмотря на череду понесенных поражений, Турция не утратила возможности продолжать войну. Более того, на Балканах она сумела одержать верх над австрийскими силами. Россия уже не могла продолжать изнурительное противостояние, так как

[2] АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела, черкесские и другие дела. Оп. 1. 1739 г. Д. 1. Л. 15.

новые угрозы в Европе требовали его скорейшего завершения. Белградский мир 1739 г. был следствием компромисса, достигнутого между Петербургом и Стамбулом, и содержал среди прочего пункт (артикул 6), касающийся нейтрального статуса Кабарды. Это была серьезная уступка со стороны российского правительства, учитывая ту роль, которую традиционно играли кабардинские князья в политике империи на Северном Кавказе. Однако желание создать барьер из нейтральных земель, который должен был свести риск новой войны с османами к минимуму, заставлял идти на такие издержки.

По итогам завершившейся войны опасность новых крымских вторжений в Кабарду снизилась. Это дало основание дистанцироваться от Петербурга, местным князьям, старавшимся проводить самостоятельный курс как в отношении друг друга, так и с остальными народами региона. Кабарда настойчиво стремилась сделаться лидером в местном политическом сообществе, по крайней мере, на территории Центрального Кавказа.

Однако в полной мере эффективно воспользоваться приоткрывшимся «окном возможностей» кабардинская знать не смогла. В условиях нависшей над Кабардой угрозы крымского разорения местная феодальная верхушка вынуждена была сдерживать свои личные властные амбиции и идти на сближение друг с другом. Она проявляла готовность к компромиссу с российской администрацией, прекрасно понимая роль высокого покровителя в собственном выживании. Но теперь этот объединяющий фактор ослаб, разногласия усилились, что сразу же проявилось в утрате части территории, которую впоследствии заселили другие народы. Речь идет о бассейне реки Сунжа, части так называемой Идаровой Кабарды, освоенной в итоге переселенцами с гор карабулаками и ингушами. Испытывая нужду в плодородных землях, они поспешили занять эту область, которую втянувшиеся в распри кабардинцы уже не могли удержать.

Пока верхушку Российской империи сотрясала борьба за власть, известная как «эпоха дворцовых переворотов», политика государства по отношению к народам Северного Кавказа в целом сохраняла преемственность и отличалась осторожной благожелательностью. Покровительство со стороны Петербурга могло усилить позиции отдельных местных лидеров и обществ, а самое главное – с Россией вынуждены были считаться внешнеполитические силы, стремящиеся распространить свою власть на земли края.

Учитывая, что народы Дагестана в это время столкнулись с агрессивной политикой персидского Надир-шаха, усилению пророссийских настроений среди сообществ Северо-Восточного Кавказа удивляться не приходится[3]. Но принять их в подданство означало втянуться в вооруженную борьбу с амбициозным правителем Ирана. Поэтому, публично не беря на себя никаких обязательств, Петербург вел переговоры с отдельными горскими обществами и призывал сделать выбор в пользу присяги русской императрице.

Не доводя дело до прямых столкновений с персами, российское командование демонстративно проводило передислокацию своих войск и этим сдерживало агрессию Надир-шаха. Так, когда тот собрался в 1742 г. разорить Эндери, к Кизляру двинулось большое российское войско, и это «остановило его от того предприятия» [2, с. 220]. Среди дагестанцев было немало сочувствующих России и своевременно предупреждавших о планах Надир-шаха вторгнуться в ее пределы [2, с. 223]. Лишь гибель этого правителя в 1747 г. ослабила персидскую экспансию на север.

[3] АВПРИ. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1741 г. Д. 7. Л. 227.

Наличие общего неприятеля было одним из главных интеграционных стимулов, формирующих пророссийские настроения у горцев [4, с. 24]. Отсюда и череда обращений о подданстве, с которыми ехали в Петербург представители самых разных народов, преимущественно проживавших на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Играя роль неофициального покровителя, империя продолжала финансировать тех владельцев, которые являлись проводниками выгодного ей курса, и по-прежнему гарантировала военную помощь в случае внешней угрозы [8, с. 112–113]. Такими, к примеру, были итоги визита в российскую столицу посланцев от кабардинского общества, благожелательно встреченных Елизаветой Петровной[4].

Формально не нарушая обязательств по Белградскому трактату, правительство сохраняло возможность влиять на ситуацию в этой ключевой части Северного Кавказа, тем более что такие владельцы «верными к нам службами, пред сим при разных случаях показанными» доказали свою пользу престолу [8, с. 112]. Да и в переговорах с османами российская дипломатия всячески подчеркивала свое особое отношение к Кабарде, не отказываясь от утверждения, что ее народы являются подданными императрицы [6, с. 479]. Нейтральный статус этой территории в глазах Петербурга, Стамбула и Бахчисарая оставался весьма условным и поддерживался лишь опасностью новой войны, которой все стороны стремились избежать.

Помимо наград и защиты от внешней угрозы наиболее дальновидные князья хотели, чтобы российская власть своим авторитетом помогла им прекратить опасные усобицы, существенно ослаблявшие Кабарду. Здесь сложились две конкурирующие партии – Баксанская и Кашкатавская, противоборство которых мешало Кабарде обрести настоящую самостоятельность. С целью их примирения на Кавказ отправлялись уполномоченные императрицей. Их целью было «несогласии добрым порядком разобрать и вас всех примирить и согласить» [6, с. 113]. В отличие от традиционного имперского принципа управления иноэтническими окраинами «divide et impera», Россия стремилась примирить своих враждующих вассалов, сделать их самодостаточными в купировании внешних угроз.

То, что Петербург играл у кабардинской знати роль арбитра, демонстрирует сохранение его авторитета в глазах местной аристократии. Но при всём желании решить эту задачу империя так и не смогла преодолеть взаимную неприязнь и враждебность кабардинской элиты. В итоге Большая Кабарда в 1753 г. распадается, но благодаря усилиям российской администрации удалось мирно согласовать границу по реке Чегем между кашкатавцами и баксанцами[5].

Со временем вмешательство имперской власти во внутриполитические процессы и особенно попытка оказать покровительство народам, которых кабардинские князья считали своими подвластными, привели к существенному охлаждению отношений между ними и Петербургом. Периодически обсуждалась возможность уйти под руку крымского хана, что, впрочем, могло быть элементом дипломатического торга с российской властью [2, с. 262]. Без российской поддержки сохранить свои лидирующие позиции на Кавказе они уже не могли, потому вынужденно мирились со своим сюзереном, порой напоминая о былых заслугах престолу [2, с. 259, 263].

Попытка ряда осетинских обществ самостоятельно выстраивать контакты с Петербургом также вызвала негативную реакцию некоторых кабардинских феодалов. Они желали стать монопольной связующей силой между народами Северного Кавказа и

[4] АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела, черкесские и другие дела. Оп. 1. 1742 г. Д. 7. Л. 19.
[5] АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела, черкесские и другие дела. Оп. 1. 1753 г. Д. 7. Л. 105.

Россией и препятствовали прибытию в столицу осетинского посольства. Чтобы оно все-таки состоялось, пришлось даже организовывать конвой и подкупать кабардинских владетелей, чтобы дать возможность выходцам из Куртатинского, Алагирского и Дигорского обществ отправиться на встречу с Елизаветой Петровной.

Среди обсуждавшихся вопросов было и переселение осетин на плоскостные земли. Они не без оснований опасались нападений кабардинцев, а потому нуждались в охране со стороны российских войск. Со своей стороны осетины выражали готовность принять христианство и помочь в разработке полезных ископаемых в их землях.

Таким образом, любой исход переговоров таил для правительства риски осложнения в отношениях с одним из потенциальных северокавказских подданных, что предопределило паллиатив в итоговом решении. Не возражая против переселения осетин в бассейны рек Ардон и Фиагдон, предоставляя им торговые преференции в Кизляре и Астрахани, российские власти вместе с тем не решали вопрос о подданстве осетин, а значит и не могли гарантировать им эффективную защиту. Предстояло значительно нарастить военное присутствие империи на Центральном Кавказе, возвести крепость, которую предполагалось основать в урочище Моздок, чтобы этот замысел воплотился в жизнь [5, с. 39]. Сделать это удалось, когда на престол взошла Екатерина II Великая.

Выводы

При преемниках Петра I Россия, вынужденная реагировать на череду европейских вызовов, на время свернула свою активность на Кавказе, продолжая при этом поддерживать те силы, которые видели в Петербурге своего покровителя и сюзерена. Их число возрастало в период обострения внешней угрозы, например во время агрессивной экспансии Надир-шаха в Дагестан, в период войны России и Турции в 1735–1739 гг. Кроме того, Российская империя являлась силой, которая могла снизить накал внутренних противоречий, вызывавших распри и междоусобицы.

Вплоть до начала правления Екатерины II российская пограничная политика основывалась на практике «ласканий» и в значительной степени делегировании решения проблем местным лидерам, которые получали материальную, а иногда и военную помощь со стороны Петербурга.

По мере ослабления геополитических противников России и их вытеснения с Кавказа менялись и мотивационные интересы северокавказской аристократии, которая начинала видеть в Петербурге уже не только защитника от крымских набегов, но и угрозу их социальному положению.

Литература

1. Алиев, Б. Г. Политика Кайтагского уцмия Ахмед-хана во время Каспийского похода Петра I (К 300-летию похода Петра I) / Б. Г. Алиев, А. О. Муртазаев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37, вып. 4. – С. 68–80.

2. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / П. Г. Бутков. – Санкт-Петербург, 1862. Ч. I. – 621 с.

3. Гарунова, Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции / Н. Н. Гарунова. – Махачкала, 2007. – 275 с.

4. Гарунова, Н. Н. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» как источник о взаимоотношениях Российского государства и казаков региона в XVIII в. / Н. Н. Гарунова // Вестник ДГУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 35, вып. 2. – С. 21–28.

5. Гарунова, Н. Н. Еще раз к вопросу о формировании грузинской диаспоры Нижнего Терека в XVIII – первой половине XIX в. / Н. Н. Гарунова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36, вып. 2. – С. 34–43.

6. Гугов, Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией / Р. Х. Гугов. – Нальчик: ИЦ «Эль-Фа», 1999. – 687 с.

7. Известие о воинских действах против турок и татар сего 1736 года. – Санкт-Петербург, 1736. – 70 с.

8. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: в 2 т. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 2. – 900 с.

9. Кузьминов, П. А. Трансформация политико-правового статуса верховного князя Кабарды в XVI – первой четверти XIX в. / П. А. Кузьминов, А. А. Журова // Былые годы. 2021. № 16 (3). – С. 1098–1105.

10. Магарамов, Ш. А. Дагестан в политике Российской империи в первой трети XVIII в. / Ш. А. Магарамов, Н. А. Асваров // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37, вып. 3. – С. 15–25.

11. Потто, В. А. Два века терского казачества / В. А. Потто / Репринтное издание. – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. – 383 с.

12. Тепкеев, В. Т. «По указу Ея Императорского Величества обретается на Кубани для поиску над тамошними татары». Участие калмыков в кампании 1739 г. Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. / В. Т. Тепкеев // Былые годы. 2020. № 55 (1). – С. 23–30.

Поступила в редакцию 10 февраля 2025 г.
Принята 23 февраля 2025 г.

UDC 94(470)

DOI: 10.21779/2542-0313-2025-40-3-23–30

“To Sort Things Out in Good Order and Reconcile You All”: New Realities of Russian Policy in the North Caucasus in the 30^{s}–50^{s} of the 18th Century

K. Ab. Abdulaev

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; garunovanina@mail.ru

Abstract. The article examines the dynamics of changes in the Russian border policy in the North Caucasus after the reign of Peter I. The internal and external factors that influenced the decisions taken by St. Petersburg to build a dialogue with the peoples of the region are shown. The reasons for the interest of North Caucasian societies in rapprochement with the empire, as well as the reasons for the hostility on the part of some rulers to the Russian Empire are analyzed. Russia is shown to be interested in the consolidation of those mountain leaders who, being its subjects, were supposed to oppose common enemies, but because of competition they staged an internecine struggle. The reasons for the increase in the military presence of the empire in the North Caucasus are clarified.

The research is based on the works of pre-revolutionary, Soviet and modern authors. Materials are used, both identified in central and regional archives, and the ones published in thematic collections.

Keywords: Russian Empire, politics, North Caucasus, highlanders, Dagestan, Kabarda, fortresses, resettlement, war.

Received February 10, 2025
Accepted February 23, 2025